

Екатерина Мордвинцева

**ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ
НАД ЗЕМЛЕЙ**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

М79 **Мордвинцева Е.**
Десять тысяч над землей / Екатерина Мордвинцева – М.: Литнет,
2026. – 210 с.

ISBN 978-5-524-00362-1

Внимание, говорит командир. Нештатная ситуация. На борту рейса SU-1463 обнаружена эмоциональная помеха. Пассажир Ева Андреева. КВС Сергей Волков. Потеряна профессиональная дистанция. Угроза соблюдению правил. Самовольный уход с курса. Преследование на земле. Объект представляет угрозу для спокойствия. Принято решение: нейтрализовать. Помеха устранена, но оказалась... живой. Курс на сближение неизбежен. Посадка ожидается жёсткая. Будьте готовы.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00362-1

© Литнет, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Глава 1

Если бы существовал прибор, измеряющий концентрацию тоски по отпуску, его стрелка в этот момент зашкалила бы, сломалась и печально повисла в красной зоне. Казалось, всего несколько часов назад мы, оглушённые шумом трапа и волной влажного, солёного воздуха, ворвались в лето – настоящее, пальмовое, пахнущее жареными мидиями и обещаниями. А теперь стояли на бетонке, и в нос уже бил стойкий, неистребимый запах авиакеросина – химически-горький аромат возвращения в реальность.

Портал закрывался.

Так бы сказал мой отец, капитан дальнего плавания воздушных океанов в отставке. «Ева, запомни: самолёт – это не транспорт, – любил он повторять, показывая на свои старые фотографии у фюзеляжа. – Это временный портал. А командир экипажа – тот, кто поворачивает ключ.

Ключ этот выточен из дисциплины и спокойствия. Любой сбой в системе – и портал может выбросить тебя совсем не там, где ты планировал».

Я смотрела на серебристый Airbus A320, замерший под струями предполётного душа, и думала, что папины порталы почему-то всегда везут меня обратно: из каникул – к учебникам, из свободы – к ожиданиям. Из лета – напрямик в начинающуюся промозглую осень, которая уже витала в прохладном бризе, гулявшем по лётному полю.

– Ну что, команда, финальный чек-лист! – голос Алины, нарочито бодрый, прорезал мои мысли. Она с лёгким стуком поставила на асфальт огромную пляжную сумку, битком набитую ракушками, загорелыми платками и магнитами на холодильник в виде дельфинов с кривыми улыбками. – Пункт первый: море. Было? Было, засвидетельствовано тремя тоннами соли в волосах и отшелушиваю-

щейся кожей на носу. – Она театрально провела рукой по-своему идеально ровному, бронзовому носу. – Пункт второй: загар. Имеется, кроме мест, скрытых купальником, которые теперь напоминают карту белых пятен.

– Ох, не напоминай, – простонала Катя, поправляя бретельку майки. – Я вчера три часа оттирала следы от купальника. Выглядела, как заправская зебра.

– Пункт третий, – Алина сделала драматическую паузу, подмигнув, – и самый главный. Роман. Или, как минимум, его подобие, намёк, прелюдия... Ну, ты поняла. Катя, отчёт!

Катя, словно ждала этой команды, с торжествующим видом взметнула вверх свой телефон. На экране светилось фото: она, загорелая и смеющаяся, обнимала улыбчивого парня с ясными глазами и в футболке с логотипом пляжного бара «У Славы».

– Бармен Слава! – прокричала она, будто представляя участника конкурса. – Две бесплатные порции мохито, один рассвет на пустом пляже и три селфи для инсты. Результат – положительный!

Мы зашлись в смехе, привлекая взгляды других пассажиров, копошившихся у стойки регистрации на наш рейс. Катя, наша главная искательница приключений и коллекционер сердец, никогда не возвращалась без трофея.

– Алина? – переключила я взгляд на вторую подругу, известную своим скептицизмом и любовью к сложным персонажам.

– Э-э-э... – Алина сделала виноватое лицо, покрутив в пальцах коктейльную соломинку с привязанным к ней бутафорским обручальным кольцом – сувениром из лавки у моря. – Роман не состоялся. Зато был потрясающий флирт с инструктором по виндсёрфингу. Парень был красив, как греческий бог, и нем, как рыба. Все общение – жесты, улыбки и его попытки поймать меня, когда я в очередной раз вылетала с доски.

Романтично и экстремально. Считаю, пункт выполнен наполовину.

– Наполовину! – фыркнула Катя. – Это как «наполовину беременна». Было или нет?

– Было напряжение! – парировала Алина. – Электричество в воздухе. А теперь, – она повернулась ко мне, и в её глазах загорелся знакомый огонёк охотницы за сплетнями, – наша главная затворница и летописец. Ева.

Предъявляй трофеи. Не в смысле фотографий закатов, а в смысле... живых людей.

Обе уставились на меня, и я почувствовала, как на щеках расходуется предательский румянец. Я потянулась к своему самому надёжному щиту – чёрному футляру с фотоаппаратом, висевшему через плечо.

– У меня трофей – три гигабайта, – сказала я, похлопывая по футляру. – Портреты местных рыбаков, макро-съёмка медуз, пять разных ракурсов старой генуэзской крепости и ни одного разбитого сердца. Идеальный баланс, как говорят пилоты. Нулевой ущерб.

– Ску-ко-ти-ща! – протянули они хором, и снова засмеялись, а я присоединилась, зная, что они правы. В этом и был мой отпускной чек-лист: наблюдать, ловить кадры, сохранять дистанцию. Быть в событии, но не внутри него. Этому меня тоже учил отец: «Хороший пилот всегда на шаг впереди ситуации, он её анализирует, а не проживает».

Но сейчас, глядя на их смеющиеся лица, на эти дурацкие магниты и соломинку-кольцо, мне вдруг стало неловко за свою осторожность. Будто я пропустила какую-то важную часть программы, оставшись в кокпите, в то время как другие наслаждались полётом.

– Ладно, хватит переживать, – будто угадав мои мысли, сказала Алина, хватая свою сумку. – Впереди ещё полтора часа полёта. Может, там тебе повезёт. Стюарды иногда бывают ничего.

– Ага, особенно когда раздают курицу с рисом или рыбу с картошкой, – усмехнулась я, следуя за подругами к стеклянным дверям терминала.

Внутри царил привычный предполётный хаос: очередь на контроль, гул голосов, плачущие дети, мерный гул систем вентиляции. Но для меня, выросшей среди отцовских рассказов, это был не хаос, а сложный, но понятный ритм. Вот равномерный гул компрессоров кондиционирования – «давление в салоне в норме», как сказал бы папа. Вот ровный, без скрипов, звук выдвигающихся тележек с багажом – «ходовая в порядке». Я машинально отмечала эти детали, как занудный автомат, и это успокаивало.

Мы протиснулись к нашему выходу, прошли контроль, и вот он – длинный рукав трапа, пахнущий резиной и антисептиком. Последние шаги по твёрдой земле.

В салоне пахло уже иначе: стерильной чистотой, едва уловимым ароматом подогреваемых булочек из камбуза и тем самым особым, «самолётным» воздухом – сухим, прохладным, будто профильтрованным через тысячи километров полётов. Я вдохнула полной грудью, проходя к своему месту – 22А, у иллюминатора. Алина плюхнулась рядом, на 22В, Катя – через проход.

Я уже начала было рыться в рюкзаке в поисках книги, когда Катя, роняя нарочито небрежно журнал, прошипела:

– Экипаж! Смотрите!

Мы подняли головы, будто по команде. Сначала прошли стюардессы – улыбка на тридцать два зуба, безупречный макияж, форма, сидящая так, будто её отлили по ним отдельно. Они скрылись в глубине салона, загораживая собой проход.

И вот из-за них показался он.

Мой мир не просто замер. Он будто перешёл на режим работы симулятора: все лишние звуки отключились, картинка стала гиперреальной, а фокус сузился до одной точки. До него.

Командир. Он шёл не быстро, но и не медленно – той самой целеустремлённой походкой человека, который знает, куда и зачем идёт. Лет тридцать, не больше. Высокий, с широкими, но не квадратными плечами, которые даже в стандар-

тной, слегка мешковатой форме пилота «Аэрофлота» несли на себе отпечаток привычной нагрузки. Четыре тонкие золотые полоски на погонах сверкнули под светом салонных плафонов. Это были не просто знаки отличия. Это был его ранг, его вселенная. Капитан.

Он что-то говорил старшему бортпроводнику, наклонив голову, и в его профиле я увидела чёткую, сильную линию скулы, прямой нос и сосредоточенную складку между бровей. Его лицо не было красивым в классическом смысле. Оно было... собранным. Лицом человека, привыкшего держать ответ за всё: за машину, за экипаж, за сотни жизней в салоне. И в этом была какая-то невероятная, притягательная сила. Сила не надменности, а колоссальной ответственности.

Он закончил говорить, кивнул, и уголок его губ дрогнул – не в улыбку, а в её эскиз, намёк на неё. И тут он на секунду поднял глаза, скользнув взглядом по салону. Его глаза... Они были цвета грозового неба перед самым дождём – тёмно-серые, почти стальные, с едва уловимыми прожилками более светлого оттенка. В них не было ничего личного, только профессиональная, сканирующая оценка обстановки. Но этого мимолётного взгляда хватило, чтобы у меня перехватило дыхание.

Он прошёл мимо. В полутора метрах от моего кресла. И я почувствовала запах. Не парфюма, нет. Запах кожи. Настоящей, потёртой кожи планшетной папки для чек-листов. Запах свежего, почти холодного воздуха, будто принесённого с высоты десяти тысяч метров. И ещё что-то... что-то неуловимое, металлическое и чистое. Запах полёта.

– Ого, – выдохнула Алина, когда дверь в кабину пилотов с тихим, но чётким щелчком закрылась за его спиной. – Вот это капитан! Наш рейс, похоже, в надёжных руках. Ты видела его плечи? И взгляд... Будто насквозь видит.

– И полосочки, – добавила Катя, уже доставая телефон, возмож-

но, чтобы попытаться найти экипаж в какой-нибудь авиационной группе. – Четыре штуки. Это, типа, самый главный?

– Командир воздушного судна, – автоматически ответила я, всё ещё глядя на ту глухую, белую дверь с надписью «FLIGHT DECK. STRICTLY NO ENTRY».

– КВС. Тот, кто поворачивает ключ.

– Ева, да ты как заворожённая, – засмеялась Катя, наконец отрывая взгляд от телефона. – Неужели нашла свой курортный роман в последнюю минуту? И прямо в экипаже! Это сильно даже по моим меркам!

Я оторвала взгляд от двери, медленно, с трудом, будто преодолевая сопротивление. Сердце колотилось где-то в районе горла, учащённо и громко, заглушая даже объявление бортпроводника о правилах безопасности.

– Нет, – сказала я тихо, и мой голос прозвучал чужо, приглушённо. Я повернулась к иллюминатору, прижала ладони к прохладному, слегка вибрирующему пластику. – Это не роман.

Я не знала, что это. Но это ощущение было до жути знакомо по папиным рассказам. Ощущение, которое он описывал, когда впервые в жизни, не на симуляторе, а в настоящей кабине, взялся за штурвал. Когда выполнил последний пункт в чек-листе перед запуском двигателей, отъехал от перрона и понял: обратной дороги нет. Точка невозврата пройдена.

Остается только взлёт.

Снаружи раздался нарастающий вой турбин, переходящий в оглушительный, всесокрушающий рёв. Самолёт дрогнул и рванул вперёд, с неумолимой силой вжимая меня в кресло. Где-то там, за этой белой дверью, его рука – уверенная, спокойная, с тонкими, но сильными пальцами – плавно, без суеты, отодвигала рычаги тяги. А другая лежала на штурвале, готовясь потянуть на себя.

– Прощай, море! Прощай, свобода! – закричала Алина, сжимая в азарте мою и Катину руки.

За окном поплыли назад, сливаясь в цветные полосы, огни перрона, потом серый бетон взлётки, а затем и она сама резко оборвалась, уступив место тёмному вечернему небу, прошитому редкими огоньками.

Я смотрела, как земля уходит, превращаясь в россыпь блёклых огней, и думала только одну мысль, чёткую и ясную, как команда по радиосвязи: «Ключ повернут. Портал открыт. Начался новый полёт».

Глава 2

Самолёт, набрав высоту, вышел из облаков и замер в той самой прозрачной, невесомой синеве, что начинается там, где заканчиваются все земные проблемы. В салоне включили основной свет, мягкий и ненавязчивый, и задвигались тележки с едой. Запах подогретой курицы с травами и тушёных овощей смешался с привычными ароматами пластика и чистоты.

Я всё ещё чувствовала странную внутреннюю дрожь, как после резкого манёвра. Мои пальцы нервно перебирали край иллюминатора. Алина и Катя всюду обсуждали только что розданные салаты, споря о том, чей выбор лучше – греческий или «Цезарь». Их голоса доносились до меня как сквозь вату. Весь мой мир по-прежнему был сосредоточен на той белой двери впереди. Она была закрыта, непроницаема, как стена сейфа. За ней – другая вселенная. За ним.

«Это не роман», – снова мысленно повторила я про себя. Но что это? Истерика на высоте десять тысяч метров? Дефицит кислорода? Или просто жалкая попытка моего скучающего по острым ощущениям мозга создать драму там, где её нет?

– Вас что-то беспокоит, Ева? – Алина ткнула меня вилкой в руку. – Ты своё «ничего» даже не тронула. Или ты решила стать стюардессой и изучаешь их методичку? – Она кивнула на одну из бортпроводниц, которая с изящной улыбкой разливала напитки.

– Просто... немного не по себе, – смущённо пробормотала я, отодвигая пластиковый лоток. – Высота, наверное.

– Высота – это как раз то, что лечит, – философски заметила Катя, отпивая сок. – Всё какое-то маленькое и неважное внизу.

И в этот момент, словно в ответ на её слова, привычный гул двигателей сменился лёгким понижением тона, а затем в динамиках раздался негромкий, предваряющий щелчок.

«Внимание, говорит командир корабля». Голос.